

сравнительно немногихъ греческихъ текстахъ и словахъ, которые приводятся въ книгѣ: вм. Σοφία, напимѣрь, нѣсколько разъ напечатанъ Εοφία (стр. 29), вм. θύρα—θύρα, στήδεια вм. στήδεια (стр. 30, 31), τὸ πεζούλιον вм. πεζούλιον, δεξιόν вм. δεξιόν, ἀναδευσράδιον вм. ἀναδενδράδιον (52), τῆς πηλῆς вм. τῆς πηγῆς (53) и т. п. Такія и тому подобныя опечатки, конечно, пестрятъ и портятъ книгу, но у насъ это явленіе обычное и трудно устранимое. Автору и та правильность, которой онъ достигъ въ напечатаніи греческихъ словъ, вѣроятно, стоила не мало труда и времени, если въ типографіи греческіе слова и тексты печатались рѣдко и мало, какъ въ огромномъ большинствѣ нашихъ типографій.

8 декабря 1895.

Казань.

Д. Бѣляевъ.

Житіе иже во святыхъ отца нашего Григорія Синаита по рукописи Московской Синодальной библиотеки издалъ И. Помяловскій. Санктпетербургъ. 1894. VI+64 стр. 8.

Профессоръ И. В. Помяловскій въ послѣдніе годы обогатилъ греческую агіографическую литературу тремя важными текстами. Въ 1892 г. имъ было издано житіе св. Θεοδора Эдесскаго, въ 1894 г.—житіе св. Григорія Синаита, а въ прошломъ году—житіе св. Αθανασія Αεονскаго. Всѣ три изданія весьма интересны и прекрасно исполнены издателемъ. Наша задача—ближе ознакомить читателей Византійскаго Временника со вторымъ изъ этихъ изданій, заглавіе котораго мы выписали въ началѣ.

Житіе св. Григорія Синаита извѣстно было доселѣ лишь въ пересказѣ позднѣйшаго времени, помѣщенномъ въ книгѣ, вышедшей въ 1803 г. въ Венеціи, подъ заглавіемъ: Νέον ἐκλόγιον περιέχον βίους ἀξιολόγους διαφόρων ἁγίων (р. 327—341). Подлинный его текстъ теперь впервые изданъ г. Помяловскимъ по московской рукописи № 281, XVI вѣка. При этомъ издатель могъ уже пользоваться однимъ южно-славянскимъ переводомъ этого житія, который П. А. Сырку въ настоящее время подготавливаетъ къ печати. Изъ этого перевода (XIV вѣка) издатель греческаго подлинника въ двухъ мѣстахъ дополнилъ пропуски московскаго списка.

Св. Григорій Синаитъ, жившій въ концѣ XIII и въ началѣ XIV вѣковъ, прославился аскетическимъ подвижничествомъ. При этомъ онъ не ограничился практическимъ исполненіемъ всѣхъ обязанностей, возложенныхъ на аскета и исихаста, но ревностно старался вникнуть и въ тайны теоріи, образовавшейся по отношенію къ этой особой формѣ монашеской жизни. Это его усердіе къ болѣе глубокому созерцанію Божію и пылкая его душа были и причиною того, что онъ не выдерживалъ долго на одномъ мѣстѣ, но неутомимо переходилъ изъ одной страны въ другую, вездѣ стараясь лично знакомиться съ тѣми изъ отшельниковъ, которые имѣли репутацію знать болѣе другихъ о вождельной его теоріи (θεωρία τῆς

ἡσυχαστικῆς ζωῆς). Итакъ, путь жизни св. Григорія Синаита—весьма разнообразенъ и наполненъ необыкновенными судьбами. Онъ родился сыномъ знатныхъ и богатыхъ людей въ Кукулѣ близъ Клазоменъ. Когда, въ царствованіе императора Андроника II (1282—1328), турки нагрянули на Византійскую имперію и отъ набѣговъ ихъ страдала и родина св. Григорія, при одномъ нашествіи ихъ, кромѣ многихъ другихъ христіанъ, и св. Григорій, вмѣстѣ съ родителями и братьями, былъ уведень въ плѣнъ въ Лаодикію. Но, выкупленный тамошними единовѣрцами, онъ отправился въ Кипръ, къ одному отшельнику, а затѣмъ на Синайскую гору, гдѣ постригся. На Синаѣ онъ подвизался болѣе трехъ лѣтъ, въ теченіе коихъ приводилъ всѣхъ въ удивленіе кротостью, воздержаніемъ, благочестіемъ и ученостью. Узнавши однако, что нѣкоторые завидуютъ ему, онъ рѣшился оставить братію и, сопровождаемый инокомъ Герасимомъ, который съ тѣхъ поръ сдѣлался неразлучнымъ его товарищемъ, посѣтилъ Святой Гробъ въ Иерусалимѣ и другія святыя мѣста въ Палестинѣ. Оттуда онъ переправился въ Критъ и поселился съ Герасимомъ въ одной пещерѣ. Здѣсь онъ и познакомился съ исихастомъ Арсеніемъ, назидательныя и поучительныя бесѣды котораго весьма пригодились ему къ лучшему познанію теоріи аскетической жизни. Изъ Крита св. Григорій пришелъ на Аѳонскую гору. Посѣтивъ тамъ всѣ монастыри и всѣхъ отшельниковъ, онъ, наконецъ, недалеко отъ монастыря св. Филоея, нашель то, чего искалъ: въ скитѣ Μηρούλζς жили три монаха, занимавшіеся и теоріей. У нихъ-то св. Григорій остался, и слава его въ скоромъ времени распространилась такъ, что монахи стекались со всѣхъ сторонъ, чтобы обучаться у него. Но тревога, причиняемая частыми нападеніями турокъ на Аѳонскую гору, принудила св. Григорія бѣжать отсюда и искать себѣ другого пріюта, болѣе удобнаго для исихаста. Послѣ разныхъ странствованій, онъ прибылъ въ Константинополь, гдѣ зимній холодъ въ продолженіи полугода препятствовалъ дальнѣйшему его путешествію. Весною же св. Григорій, несмотря на всѣ старанія императора Андроника привлечь его къ себѣ, черезъ море отправился въ Созополь. Уединенная пустыня (τὰ Παρόρια), находившаяся близъ Созополя, оказалась угоднику весьма удобною, и спутники-монахи построили тамъ кельи. Въ той же пустынѣ уже до нихъ поселился съ своими учениками нѣкій монахъ Амираль (Ἀμηνράλης). Этотъ сперва любезно принялъ ихъ, но вскорѣ, изъ-за ревности, повернулъ въ другую сторону и сталъ грозить св. Григорію смертью, если не оставитъ этого мѣста. Святой уступилъ ему и удалился съ своими учениками на другую гору, называемую Κατακρηφωμένη. Амираль однако не усмирился и побудилъ разбойничью шайку напасть ночью на св. Григорія и его товарищей. Поэтому св. Григорій, сообразивъ, что имъ здѣсь долѣе нельзя оставаться, возвратился черезъ Константинополь на Аѳонъ. Но сожительство съ другими иноками въ монастырѣ лишь недостаточно доставляло угоднику желанную тишину и уединенность. По этой причинѣ

онъ, не сообщивъ никому о своемъ намѣреніи, отправился на кораблѣ въ Адрианополь и оттуда сухимъ путемъ опять въ упомянутую уже пустыню южной Болгаріи *Парбора*. На этотъ разъ его не тревожилъ завистливый сосѣдъ, и, съ помощью стекающихся въ большомъ количествѣ иноковъ, онъ въ скоромъ времени устроилъ четыре монастыря. Щедрымъ благодѣтелемъ этихъ скитовъ и усерднымъ ихъ защитникомъ противъ разбойниковъ, по просьбѣ св. Григорія, сдѣлался болгарскій царь Александръ.

О кончинѣ св. Григорія греческій текстъ ничего не сообщаетъ, но изъ славянскаго перевода, дополняющаго въ этомъ мѣстѣ пробѣлъ московской рукописи, мы узнаемъ, что св. Григорій, въ предчувствіи смерти, съ однимъ лишь инокомъ отправился въ ту келью, гдѣ обыкновенно скрывался, когда желалъ въ безмятежной тишинѣ предаваться созерцанію Божію. Здѣсь, въ теченіе трехъ дней ничего не ѣвши и Богомъ поддержанный въ борьбѣ противъ смущающихъ его лукавыхъ духовъ, онъ тихо скончалъ тревожную жизнь. Годъ, въ которомъ скончался святой, въ жизнеописаніи его не обозначенъ, и, вообще, недостаетъ этому, впрочемъ весьма обстоятельному, разсказу всякаго подробнаго опредѣленія разныхъ періодовъ жизни святаго. Нѣкоторые изслѣдователи, въ томъ числѣ и г. Помяловскій, относятъ кончину св. Григорія къ 1310 г., а другіе—къ 1346 г. Память его 8-го августа, а по греческимъ мѣсяцесловамъ—27-го ноября.

Другое представленное славянскимъ переводомъ дополненіе греческаго текста житія св. Григорія—менѣе важно; оно даетъ болѣе подробный разсказъ о покаяніи инока Луки, который, возмущенный злымъ духомъ, покусился на жизнь святаго. Этому иноку, по повѣствованію житія, св. Григорій впоследствии посвятилъ около 150 главъ аскетическаго содержанія (*νηπτικὰ κεφάλαια, πράξεως καὶ θεωρίας ἀνάπλεα*, стран. 36, 12), которыя, кажется, дошли и до насъ. Въ одной рукописи Московской Синодальной библіотеки (№ 509, л. 50—109, XVI в.) встрѣчаются подъ именемъ Григорія Синаита разныя главы (*περὶ ἐντολῶν, περὶ δογμάτων, περὶ λογισμῶν* и т. д.), которыя, по всей вѣроятности, можно отождествить съ упомянутымъ въ житіи сочиненіемъ. Кромѣ того, св. Григорій оставилъ и нѣсколько тропарей и каноновъ.

Жаль, что издатель греческаго житія не счелъ нужнымъ перевести вышеозначенныя дополнительные мѣста славянскаго перевода на греческій языкъ, что было бы желательно въ виду тѣхъ специалистовъ Запада, которые не знакомы съ славянскими языками.

Житіе св. Григорія написано Каллистомъ, который занималъ патриаршее достоинство (съ небольшимъ перерывомъ) съ 1350 г. по 1363 г. Такъ какъ онъ нѣкоторое время самъ принадлежалъ къ числу учениковъ св. Григорія, то онъ многое сообщаетъ о немъ въ качествѣ очевидца, а остальное—по разсказамъ другихъ учениковъ и друзей святаго, особенно упомянутаго выше инока Герасима. Онъ написалъ житіе въ Кон-

стантинополѣ, будучи уже патріархомъ (стр. 34, 6 τὴν εὐδχίμονα ταύτην Κωνσταντινούπολιν). Разсказъ Каллиста очень подробенъ и обстоятеленъ. Онъ не ограничивается жизнеописаніемъ и характеристикой одного св. Григорія, но распространяется также о прошломъ и о дальнѣйшихъ судьбахъ многихъ болѣе замѣчательныхъ учениковъ святаго (стр. 15—29). Онъ сообщаетъ назидательные разговоры угодника о созерцательной жизни, занимающіе цѣлыя страницы; онъ упоминаетъ не разъ о ѳаворскомъ свѣтѣ, въ столь значительной степени волновавшемъ умы того времени, и касается также полемики между Григоріемъ Паламою и Акиндиномъ, причѣмъ не упускаетъ случая играть словами Ἀκινδύνος и ἐπικινδύτως (стр. 23, 11). Вообще, сочиненіе его весьма важно для познанія тогдашняго состоянія церкви и, въ особенности, аѳонскаго монашества. Далѣе, житіе даетъ много подробныхъ свѣдѣній о топографіи тѣхъ странъ, въ которыхъ прожилъ святой, и много новыхъ данныхъ о разныхъ монастыряхъ и отдѣльныхъ кельяхъ, находившихся въ то время на Аѳонской горѣ, въ южной Болгаріи и т. п.

Греческій языкъ Каллиста подражаетъ лучшимъ образцамъ классическаго времени. Слогъ его цвѣтистъ и словообилень и часто прикрашенъ цитатами изъ св. Писанія и твореній св. отцовъ (напр. стр. 11, 26), пословицами и пространно изложенными сравненіями. Замѣчательна и склонность автора заимствовать свои сравненія изъ жизни животныхъ, причѣмъ естественность, съ которою изображаются ихъ нравы, какъ напр. разлученнаго отъ самки оленя (стр. 7, 23—26), посаженнаго въ клѣтку соловья (стр. 38, 30—39, 6) и пчель, собирающихъ поноску по всѣмъ цвѣткамъ (стр. 18, 3—10),— явно доказываетъ живое чувство и внимательное наблюденіе природы, какое рѣдко встрѣчаемъ у другихъ писателей византійской эпохи.

Мы не сомнѣваемся въ томъ, что многимъ читателямъ житія было бы очень пріятно, если бы г. Помяловскій сообщилъ въ своемъ изданіи и подробныя историческія и топографическія примѣчанія. Въ замѣнъ того въ концѣ книги приложены два указателя, въ которыхъ составлены: 1) имена собственныя и 2) наиболѣе замѣчательныя слова и выраженія греческаго текста.

Что касается возстановленія текста, г. Помяловскій опытною и искусною рукою исправилъ много нерѣдко попадающихся мѣстъ, гдѣ переписчикъ московской рукописи ошибся въ правописаніи, въ грамматическихъ формахъ и т. п.; нѣкоторыми поправками издатель обязанъ академику В. К. Ернштедту. Въ иныхъ же случаяхъ мы не можемъ согласиться съ измѣненіями, сдѣланными издателемъ, а также, наоборотъ, иногда считаемъ нужнымъ исправленіе, гдѣ издатель оставилъ рукописное чтеніе безъ измѣненія.

Въ слѣдующихъ мѣстахъ чтенія рукописи кажутся намъ неоспоримыми и безукоризненными: на стран. 1, 8 слѣдуетъ читать съ рукописью: ἀλλ' ἐπὶ μὲν τῶν κοσμικῶν τούτων καὶ προσκλήρων... δίκην καπνοῦ

καὶ τοὺς ἐπαινούς διαλυομένους ὀρθῶμεν, т. е. «при этихъ свѣтскихъ и перемѣнчивыхъ вещахъ мы видимъ, что и похвала ихъ расходится какъ дымъ»; употребленіе предлога ἐπὶ въ этомъ смыслѣ часто встрѣчается у нашего автора, см. 2, 15; 18, 11; 30, 11; союзъ ἐπεὶ, предложенный издателемъ (вмѣсто ἐπί), требовалъ бы соотвѣтственнаго придаточнаго предложенія, котораго въ текстѣ не имѣется.—9, 8 въ рукописи читается τὴν μὲν εἰς τοῦτο φέρουσαν ἐπίπλεον τοῦ λέγειν ὁδὸν στήσας, т. е. «прекративши дальнѣйшій ходъ рѣчи, ведущій къ этому»; для этого значенія слова ἐπίπλεον, которое можно писать и отдѣльно ἐπὶ πλεον, сравни 31, 3; 40, 26; корректура издателя ἐπίπλεων (= наполненный?) намъ непонятна.—13, 17 въ текстѣ напечатано ἡ θεία καὶ πάνυ ἐμοὶ σεβασμία ψυχή, а въ примѣчаніи сказано, что въ рукописи вмѣсто ἐμοὶ читается τέμοι; можетъ быть, тутъ находится πάν τέμοι (а не πάνυ τέμοι), но во всякомъ случаѣ поправка πάντ' ἐμοὶ не подлежитъ никакому сомнѣнію, см. 40, 11.—19, 25 ἐκείνος... μεθ' ὅσου τοῦ τῆς ταπεινοφροσύνης σχήματος κείμενος ἔκλαιε: это, признаться, выраженіе необыкновенное, но нѣтъ причины перемѣнять слово ὅσου въ ὄλου; восклицаніе: ὅσον τὸ τῆς ταπεινοφροσύνης σχῆμα (т. е. сколь удивителенъ образъ смиренія) можетъ быть употребляемо и въ зависимости отъ предлога: μεθ' ὅσου τοῦ... σχήματος, см. *Johannis Euchaitorum metropol. opera* p. 83, 7 Lagarde: δεξιὰν ἤδη δίδωμι μεθ' ὅσης τῆς προθυμίας и p. 81, 17: μετ' εὐσχήμονος οἴας καὶ εὐπρεποῦς τῆς αἰτίας.—31, 13 τίς ψάμμον θαλάσσων ἢ σταγόνας ὑετοῦ... δυνήσεται ἀναμετρεῖν; рукописное чтеніе θαλάσσων, которое издатель перемѣняетъ въ θαλάσσιον, утверждается словами Сираха (1, 2 сл.), приведенными здѣсь авторомъ; приходится только поправить удареніе: θαλάσσων.—35, 6 издатель отвергъ форму σφοδρότατον, напечатавъ σφοδρώτατον; но первая форма—единственно правильная.—39, 18 τὸ μακρόν ἔθος αὐτῶν, ὅπερ καὶ εἰς φυσικὴν ἄντικρυς ἔξιν τούτοις κατέστη и здѣсь мы предпочитаемъ рукописное чтеніе принятой издателемъ поправкѣ μιάρων; слово μακρός здѣсь тождественно съ выраженіемъ χρόνιος (= продолжительный), употребленнымъ нѣсколько ниже на стр. 43, 27: διὰ τὴν ἐν τῇ χρονίᾳ ληστεία διατριβήν; см. и *Plut. Mor.* 611 E μακρὰ συνήθεια и 784 B τὴν οὕτω μακρὰν καὶ συμβεβιωκυῖαν ἡσυχίαν.— На стр. 1, 19 мы измѣнили бы, на основаніи другого мѣста нашего житія (13, 25), испорченное чтеніе παριγίνονται лучше въ περιγίνονται, чѣмъ съ издателемъ въ παραγίνονται.

Въ другихъ мѣстахъ, не затронутыхъ издателемъ, нельзя, по нашему мнѣнію, обойтись безъ измѣненія текста: на стр. 5, 20 слѣдуетъ читать ἀπίθανα (вм. ἀπείθανα); 7, 15 μετὰ τοῦτον, т. е. Γρηγόριον (вм. ταύτον); 7, 26 στερηθεῖς (вм. στερηθεῖσα), такъ какъ говорится о самцѣ, см. ἀποτρέχων въ 25-й строкѣ; 7, 29 συμβαλλόμενον (вм. συμβαλλόμενος); это причастіе какъ и слѣдующее ἀπηλλαγμένον (строка 30-я), относится къ слову τόπον; о значеніи глагола συμβάλλεσθαι πρὸς τι = способствовать чему ср. 35, 13. На стр. 8, 8 нужно писать τῇ δίψῃ (вм. τῆ δίψει); 9, 31 τοῖς ἐπαποδο-

μένους εἰς τὸ τῆς ἀρετῆς στάδιον καὶ [εἰς] τοὺς ὑπὲρ αὐτῆς ἄθλους ἀγωνιζομένοις; предлогъ εἰς, поставленное нами въ скобкахъ, произошло лишь изъ диттографіи; слова τοὺς ἄθλους не принадлежатъ къ глаголу ἐπαποδυόμενοις, а (въ видѣ внутренняго дополненія) къ глаголу ἀγωνιζομένοις. На стр. 11, 2 мы пишемъ ἀναπολεῖ τε (вм. ἀναπολεῖται); средній залогъ этого глагола не употребителенъ, см. 25, 9; 26, 30; кромѣ того, чтеніе ἀναπολεῖται представляло бы собою странное бессоюзіе предложеній; 10, 24 ἀνήγειρεν (вм. ἀνέγειρεν), см. 31, 20; 38, 22. На стр. 11, 16 слѣдуетъ писать σὺν τάχει (вм. σὺν τάχα); 11, 20 τὸν οἶκον ἐκεῖνον πεπληρωμένον εἶδε (вм. εἶναι) φωτός; 13, 15 μικράν μοι (вм. με) δυνάμενον τὴν ὠφέλειαν ἐμποιῆσαι; 18, 3 ὅποιπερ ἂν δεήσῃς (вм. δεήσεις), т. е. «куда надобно», см. 43, 20. На стр. 19, 10 читается τῆ σύριγγι τῶν αὐτοῦ λόγων τὰς ἡνίας ἐγχειρίσας τῶν λογισμῶν. нельзя представить себѣ, въ какомъ смыслѣ авторъ здѣсь могъ бы употребить выраженіе σύριγγι τῶν λόγων (Флейта словъ?); если же припомнить себѣ, что слово σειρῆν нерѣдко встрѣчается въ переносномъ смыслѣ (= чары, прелесть, см. Plut. vita Marii cap. 44: ἡ τῶν λόγων σειρῆν καὶ χάρις), и что при итацизмѣ оба слова почти созвучны (σύριγγι = сиринги, σειρῆνι = сирини), то поправка τῆ σειρῆνι τῶν αὐτοῦ λόγων не покажется слишкомъ смѣлою, а смыслъ словъ становится затѣмъ совсѣмъ яснымъ: инокъ Николай при всѣхъ своихъ размышленіяхъ руководствовался прелестными словами св. Григорія; 22, 27 ἠνωμένοι διὰ παντός μένομεν ἐν ἀλλήλοις ὄντες καὶ παρ' ἀλλήλοις (вм. ἀλλήλους); 24, 14 τὴν παράβασιν, ὡς νῦν ἐλέγομεν (вм. λέγομεν); авторъ ссылается на высказанное имъ выше (23, 27). На стр. 25, 12 рассказывается о слѣпомъ инокѣ, имѣющемъ отъ Бога даръ пророчества: χαρίσματος ἀτεχνῶς ἤξιώθη, ὡς μὴ μόνον μὴ δεῖσθαι τοῦ χειραγωγοῦντος καὶ ὀδηγοῦντος, ἀλλὰ καὶ ἐν τῇ κέλλῃ καθήμενον οἶονεὶ προβλέπειν καὶ λέγειν τοῖς παραβάλλουσι πρὸς ἡμᾶς μοναχοῖς: ἐξέρχῃς πρὸς ὑπάντησιν. . . . Здѣсь, во-первыхъ, слѣдуетъ исправить καθήμενον въ καθήμενος, такъ какъ въ предложеніи слѣдствія подлежащее то же самое, что и въ управляющемъ предложеніи, а во-вторыхъ, *кавычки* (передъ словомъ ἐξέρχῃς) невѣрно поставлены; дательный п. τοῖς παραβάλλουσι, какъ уже доказываютъ слова πρὸς ἡμᾶς, не зависятъ отъ λέγειν, а представляетъ собою начало рѣчи слѣпого инока, т. е. «идите на встрѣчу монахамъ, приходящимъ къ намъ»; 27, 18 ἄσμενος οὖν δεξιόμενος ὁ δίκαιος τῷ ἀσμένως ἐπένευσε πρὸς τὴν δέησιν. слово ἀσμένως, безъ сомнѣнія, испорчено писцомъ изъ ἀσμένω; сопоставленіе одного и того же прилагательнаго или причастія въ разныхъ падежахъ такъ, что одна форма относится къ подлежащему, а другая къ дополненію, весьма принято было у грековъ, см. Eur. Ion. 1438: ἄσμενός σ' ἰδὼν πρὸς ἀσμένης πέπτωκα σὰς παρηίδας и Hom. Od. 17, 83: δὴ τότε μοι χαίροντι φέρειν πρὸς δώματα χαίρων; 29, 15 συνειλεγμένον (вм. συνελεγμένον); 29, 14 πρὸς ἐκεῖνον (т. е. Γρηγόριον, вм. ἐκεῖνο) συνέρρεον; 29, 26 κατὰ θεῖαν χάριν Θεοῦ [ὁ] ἄνθρωπος γίνετα: въ неправильно прибавленномъ членѣ (при именномъ сказуемомъ ἄνθρωπος) нельзя обвинить автора, хорошо знающаго это

правило грамматики, см. 23, 26; это ошибка переписчика; 33, 21 τὸ ἄθεον καὶ βαρβαρικὸν ἔθνος τῶν Ἀγαρηνοῶν. . . . τοὺς. . . μοναχοὺς πάντας συσχόν καὶ συνδῆσαν ὡς ἐξ ἀνυπονοῆ τοῦ λόχου ἀνδραποδίξει. Вмѣсто этихъ непонятныхъ словъ, очевидно, нужно поставить ὡς ἐξ ἀνυπονοήτου λόχου, т. е. турки плѣнили всѣхъ иноковъ, окруживъ ихъ, какъ изъ неожиданной засады; 34, 19 ἐπεχορηγεῖτο (вм. ἐπιχορηγεῖτο); 35, 8 εἶτα μὴν ἔσται τὰ περὶ ἡμῶν μοναχῶ τινι Ἀμηράλῃ непонятныя слова μὴν ἔσται испорчены изъ μηνύεται; 35, 28 τὸν ὑβριστὴν καὶ ἀλιτῆριον ἐκείνου (т. е. Григорія), ἴσον δὲ εἰπεῖν καὶ [κατ'] αὐτοῦ τοῦ Θεοῦ предлогъ κατ' отнюдь не подходит къ конструкціи; родительный п. αὐτοῦ τοῦ Θεοῦ зависить, сообразно предыдущему ἐκείνου, отъ словъ ὑβριστὴν καὶ ἀλιτῆριον, а κατ' вкралось въ текстъ вслѣдствіе невнимательности писца, читавшаго вм. простого καὶ — καὶ κατ' (диттографія); смыслъ предложенія слѣдующій: монахъ, покусившійся на жизнь св. Григорія, называется обидчикомъ не только Григорія, но и самого Бога; 38, 6 ἐμοὶ δ' ἐπ' ὀλίγον προσκαρτερήσαντι καὶ μηδ' ἂν εἴ τι γένοιτο τὴν ἀπουσίαν τοῦ διδασκάλου ὑπενεγκεῖν δυναμένῳ — πάντα οὐδὲν ἐδόκει πρὸς τοῦτο καὶ τὸν Ὀμηρικὸν ἵππον ὁ πόθος ποιεῖ καὶ σπουδῆ — πάλιν ἐγὼ κατέλαβον τὴν Κ—πολιν. Что значать слова ὁ πόθος ποιεῖ τὸν Ὀμηρικὸν ἵππον, сказать трудно; вѣроятно, ученый авторъ намекаетъ на слова Гомера (Jl. 17, 438 сл.), гдѣ поэтъ рассказываетъ, что безсмертные кони Ахиллеса, услышавъ о кончинѣ Патрокла, плакали и тосковали по погибшемъ своемъ возницѣ: δάκρυα δὲ σφιν θερμὰ κατὰ βλεφάρων χαμάδις ῥέε μυρομένοισιν ἠνιόχοιο πόθῳ. Эти стихи Гомера подсказываютъ намъ растолковать темное мѣсто нашего автора — прибавленіемъ глагола κλαίειν; кромѣ того, мы должны замѣнить чтеніе σπουδῆ нарѣчіемъ σπουδῆ (= aegre, съ трудомъ) и поставить знаки препинанія нѣсколько иначе, а именно такъ: ἐμοὶ δ' . . . δυναμένῳ πάντα οὐδὲν ἐδόκει πρὸς τοῦτο (καὶ τὸν Ὀμηρικὸν ἵππον ὁ πόθος <κλαίειν> ποιεῖ) καὶ σπουδῆ πάλιν ἐγὼ κατέλαβον κтл. ¹⁾). На стр. 41, 28 читается: βασιλικὰ ἔργα. . . ἐνεργῶς παριστῶντα, ἣν ἔχει ἀγαθὴν καὶ θεοφιλῆ γνώμην. Здѣсь нужно писать ἐναργῶς (= clare, evidenter) вм. ἐνεργῶς (strenue, acriter); 42, 25 καὶ οὗτος (т. е. Γρηγόριος) μετ' ἐκείνου (т. е. Μωσέως) τὸ Σίναιον ὄρος ᾤκησε такъ какъ св. Григорій жилъ на Синайской горѣ не съ Моисеемъ (μετὰ с. gen.), а послѣ Моисея (μετὰ с. асс.), никто, думаемъ, ничего не возразить противъ поправки: μετ' ἐκείνον; 43, 9 τοῖς μὲν πράξεως, τοῖς δ' αὖθις ἀψευδοῦς θεωρίας ἀκριβοῦς μετεδίδου нельзя допустить, чтобы авторъ при им. существительномъ θεωρίας употребилъ два (впрочемъ, довольно однозначачихъ)

1) Во время печатанія нашей рецензіи мы нашли, что упомянутая выше фраза существовала Каллистомъ изъ надгробнаго слова Григорія Назіанзина Εἰς τὸν μέγαν Βασίλειον. Тамъ говорится: ἀλλ' ἐπιμείναντά με ταῖς Ἀθήναις. . . ποιεῖ τὸν Ὀμηρικὸν ἵππον ὁ πόθος καὶ τὰ δεσμὰ ῥήξας τῶν κατεχόντων χρσαίνων κατὰ πεδίων καὶ πρὸς τὸν σύννομον ἐφερόμην. Это мѣсто доказываетъ, что въ текстѣ Каллиста слѣдуетъ прибавить только словечко με, такъ-что смыслъ — слѣдующій: тоска по учителѣ сдѣлала меня похожимъ на извѣстнаго коня, о которомъ говоритъ Гомеръ (Н. 6, 507).

прилагательныхъ, не соединивъ ихъ союзомъ *καί*; легко можемъ устранить это затрудненіе, если напишемъ *ἀκριβῶς*, т. е. «св. Григорій тщательно сообщалъ однимъ ученикамъ практику, другимъ же вѣрную теорію аскетической жизни»; 44, 15 *ὡςπερ καὶ σήμερον ἀσφαλῶς τηρεῖται συναιρουμένου Θεοῦ καθὰ τὰς θείας... ὑποθήκας* чтобы вѣрно понять сочинителя, намъ слѣдуетъ читать *συναιρουμένου* (см. 7, 14 *συνάρσει καὶ βοηθείᾳ Θεοῦ*) и *κατὰ*, т. е. «это и сегодня непоколебимо (непрерывно) соблюдается, съ помощью Божіей, сообразно съ божественными наставленіями святаго».

Наконецъ, мы предложили бы измѣнить въ нѣсколькихъ случаяхъ, для большей ясности, знаки препинанія, принятые издателемъ: на стр. 3, 7 *πλὴν ἐπειδὴ καὶ Θεῷ φίλον τὸ κατὰ δύναμιν ἐπαινετὸν ἂν δόξειε καὶ τῷ διδασκάλῳ* мы поставили бы запятую послѣ слова *δύναμιν*, такъ какъ затѣмъ начинается главное предложеніе; 12, 27 *ἐμοῦ δὲ ἐπερωτήσαντος* «ἄρα, ὦ θεσπεσιώτατε πάτερ, ... διδάξον κτλ. Здѣсь лучше поставить кавычки *ποστ* слова *ἄρα*, относящагося къ предыдущему *gen. abs.*; заключительный союзъ *ἄρα* бываетъ *postpositivum*; 25, 7 *τί γίνεται, ὡς λίαν θαυμαστὸν καὶ λόγου πολλοῦ ἄξιον*; только слова *τί γίνεται* представляютъ собою вопросъ, а слѣдующее — уже отвѣтъ на этотъ вопросъ; поэтому мы ставимъ знаки такъ: *τί γίνεται; ὡς λίαν θαυμαστὸν καὶ.. ἄξιον*. Слово *ὡς* прибавлено въ смыслѣ восклицанія: «что случается? о, сколь пречудное и достойное многихъ словъ!»; 30, 19 *ἄπαντας εἶσω ποιήσασθαι, τῆς τοῦ παναγίου καὶ ἀγαθοῦ πνεύματος αἰγλης τε καὶ λαμπρότητος ἐκ ψυχῆς βουληθεῖς κтл.* Здѣсь запятая, поставленная послѣ *ποιήσασθαι*, отдѣляетъ слова тѣсно связанныя между собою: родительный п. *τῆς αἰγλης καὶ λαμπρότητος* зависитъ отъ словъ *εἶσω ποιήσασθαι* (= *participem facere*); 46, 11 чтобы конструкцію довольно длиннаго періода сдѣлать яснѣе, нужно послѣ *ἀγαθότητι* поставить запятую, или лучше — черту; родительный п. *τῆς ἰδίστης.. γλώττης* не зависитъ отъ близко поставленнаго слова *ἀγαθότητι*, а отъ слова *ὁ λόγος* (въ 7-ой строкѣ).

Къ числу тѣхъ мѣстъ, гдѣ начитанный авторъ пользуется словами св. Писанія, можно прибавить слѣдующія: стр. 10, 28 см. Псал. 32, 15; стр. 11, 11 см. Римл. 11, 8; стр. 18, 23 см. Иоанн. 6, 68; стр. 31, 11 см. Ефес. 3, 16 сл.; стр. 31, 13 см. Сирах. 1, 2 сл.; стр. 34, 11 см. Евр. 11, 13; стр. 36, 9 см. I Петр. 3, 9; стр. 46, 10 см. Римл. 7, 14.

Опечатки замѣчены нами въ слѣдующихъ случаяхъ: на стр. 3, 30 *θειθυόνων* (вм. *θειθυόνων*); 14, 28 *οικεῖαν* (вм. *οικεῖαν*); 28, 2 *διελῶ* (вм. *διέλω*); 30, 30 *ματχῖαν* (вм. *ματχῖαν*); 30, 32 *κατανομάζοντας* (вм. *κατανομάζοντας*); 31, 4 *τηφλώττοντας* (вм. *τυφλώττοντας*); 31, 28 *σκοπού* (вм. *σκοποῦ*); 34, 16 *βρυχοῦσας* (вм. *βρυχούσας*); 39, 12 *παρόρια* (вм. *Παρόρια*); 44, 21 *συνελῶν* (вм. *συνελών*); 46, 4 *συνδεσμῶ* (вм. *συνδέσμω*); 46, 17 *ἀπανιστώσαν* (вм. *ἀπανιστῶσαν*).

Мы надѣемся, что профессоръ И. В. Помяловскій и далѣе будетъ посвящать этой отрасли греческой литературы столь благоуспѣшную

свою дѣятельность и вскорѣ подаритъ наукѣ новое изданіе неизвѣстнаго покуда агиографическаго текста.

Рига.

Э. Курцъ.

Соколовъ, М. И. *Новый матерьялъ для объясненія амулетовъ, называемыхъ змѣвиками.* М. 1894 (изъ перваго выпуска трудовъ славянской комиссіи при Императорскомъ Археологическомъ Обществѣ). 70 страницъ. 4^о.

Настоящее изслѣдованіе служитъ продолженіемъ и развитіемъ положеній автора, высказанныхъ имъ въ статьѣ: «Апокрифическій матерьялъ для объясненія амулетовъ, называемыхъ змѣвиками» въ Ж. М. Н. Пр. ч. ССLXIII отд. 2, стр. 340—368 (1889 г.). Этимъ матерьяломъ для объясненія змѣвиковъ являются главнымъ образомъ различныя заклинанія противъ демоновъ, виновниковъ разныхъ болѣзней, и легенды объ ангелахъ и святыхъ, являющихся борцами съ діаволомъ, главнымъ ихъ виновникомъ. Такъ уже въ первомъ изслѣдованіи указано на циклъ легендъ о Сисинніи, какъ наиболѣе типичномъ прогонителѣ діавола. Тамъ же указывалось, что упомянутые амулеты, какъ въ Византіи такъ и на Руси «являются отраженіемъ суевѣрія, ведущаго свое начало съ Востока изъ древней Халдеи, и всего ближе соотвѣтствуютъ тѣмъ демонологическимъ и магическимъ представленіямъ и ученіямъ, какія изложены въ извѣстномъ Testamentum Salomonis, этой іудейско-византійской перелицовкѣ древней халдейской магіи» (стр. 1). Въ интересующемъ насъ теперь изслѣдованіи авторъ соединяетъ массу новаго матерьяла. Изслѣдованіе начинается разборомъ многихъ варіантовъ греческихъ, славянскихъ, малорусскихъ, латышскихъ и болгарскихъ заговоровъ отъ болѣзни истеры-матицы, которая въ славянскихъ изводахъ этихъ заговоровъ носитъ названіе *дѣна*. Тожество истеры и дѣны, кажется, впервые указано, или по крайней мѣрѣ подробно развито и обставлено этимологическими доказательствами авторомъ. Понятіе это чрезвычайно широко и неопредѣленно. То это дѣйствительно женская матка, или болѣзнь ея, называемая въ простонародіи «золотниками», то вообще всякая внутренняя изводящая человѣка болѣзнь, хотя бы и у мужчинъ, или баснословное существо, живущее внутри человѣка, сходъ котораго съ мѣста производитъ болѣзнь. Типичный заговоръ, встрѣчающійся на змѣвикахъ противъ этой истеры, служащей исходною точкою г. Соколова, таковъ: «Υστέρη μελανή, μελανωμένη, ὡς ὄφις εἰλύεσαι καὶ ὡς δράκων συρίζεις καὶ ὡς λέων βρυχᾶσαι καὶ ὡς ἀρνίον κοιμοῦ (κοιμῆσαι)» — по переводу Г. С. Дестиниса: «Матица (= болѣзнь матицы) черная, почернѣлая, какъ змѣй, ты вьешья, и какъ драконъ, свищешь, и, какъ левъ, рычишь, и, какъ ягненокъ, спишь (спи)». Этимъ послѣднимъ приказаніемъ, или приказаніемъ стать на свое мѣсто, сѣсть на золотое кресло и т. п. заканчиваются почти всѣ заговоры этого